

«... По форме обмундирования не следует»

(Продолжение.
Начало в № 145-146).

2. Экзекуция

Во время посещения Оренбургского края царевичем, будущим императором Николаем II, в 1891 году, на границе территории войска его встретили и сопровождали до самого Оренбурга молодые казаки, начиная от школьного возраста и поседелые, отмеченные орденами и медалями за службу и ратные подвиги. С того времени сохранилась фотография, запечатлевшая 16 казаков с крестами и медалями, названных «цветом Оренбургского казачьего войска». На фотографии нет ни одного безбородого лица.

Как это понять — дань моде или указание на принадлежность к расколу?.. Возможно и то, и другое. Во-первых, с Екатерины II, преодолевая всякие преграды, борода постепенно входит в моду; во-вторых, широко расселившиеся по окраинам раскольники считали бороду символом «борьбы за старую веру». Оказавшиеся на Урале раскольники частью служили в казачьем войске. Даже в 1912 году казаков-раскольников в войске насчитывалось 24806 человек из 27 тысяч всех сословий, живущих на войсковой территории.

Если среди гражданских бороды иногда давалось послабление, то в русской армии с давних пор ношение ее всем чинам запрещалось категорически. Исключение составляли Уральское и Донское казачьи войска, едва ли не наполовину состоявшие из раскольников. Они явочным порядком завоевали право служить бородатыми. На оренбуржцев это право не распространялось.

Еще первый атаман Оренбургского войска В. И. Могутов писал в январе 1758 года атаману Ельдянской крепости Чисметову: «В бытность мою в прошлом 1757 году в Ельдяке видел я, что все казаки ходят в бородах и волосы так отращивают, как у мужиков, а в указе Ея Императорского Величества 1748 года марта 31 написано: в сбор с бородачей и раскольников положенных денег поступать по прежним указам безо всякого опущения, токмо дабы разных чинов люди опричь священников и церковного причта и крестьян в неуказанном платье не ходили и бород не носили, того смотреть накрепко, а кто в противность публикованных о том указов в каком неуказанном платье ходить и бороды носить станут, с таковых по взысканию штрафа чинить по указам безо всякого послабления, — того ради в силу оного Ея Императорского Величества указу всем команды своим старшинам и казакам бороды обрить и волосы подстричь так как со здешними казаками числится, чего ради фельдшера из их же казаков выбрать к тому искусно определить и поступать по силе оного, дабы все как старшины так и казаки были во всякой чистоте и платье носили по своему званию, а не мужичье, а кто тобою фельдшером определен будет, о том ко мне рапортовать».

В пору «затишья» бородачи в основном появлялись вне строя (находясь на льготе). С ними мирно жили: «Хочешь, нравится тебе, носи! Борода делу не помеха!» Зато ус был непременно украшением казака. Тогда бородатые и безбородые усачи перешучивались:

— Борода в честь, а усы и у кота есть!..

Им отвечали:

— Ус в честь, а борода и у козла есть!..

О неослабевающим с годами требовании к казакам, изложенном в письме Могутова, свидетельствует приказ генерал-губернатора Перовского, подписанный им без малого через 100 лет после атамана в декабре 1853 года. Правда, губернатор обращает внимание только на нарушение «установленного правила стрижки волос», казаки носят их «очень длинными, особенно спереди, так что волосы падают на глаза; другие же казаки

выстригают волосы над глазами выше обыкновенного кружка, делая через это на висках угол, тогда как стрижка в кружок должна быть в одну линию на лбу и на затылке.

Почему предлагалось господам начальникам частей вверенного мне войска, в полках и батареях, иметь наблюдение, чтобы нижние чины носили волосы согласно Высочайшего повеления...»

К моменту выхода приказа Перовского вовсю уже шумела волна наступления на бороду, начатая с воцарением Николая I. На раскольников смотрели по-старому, как на людей «противных государству и государю непрестанно зло мыслящих».

В войске, вероятно, с этим вопросом было относительно спокойно, хотя перед старослужащими вновь замаячил «царь-антихрист», хулиитель и гонитель искони русского христианства. Вдруг, как гром на голову, к Перовскому приходит сообщение атамана Усть-Уйской станицы, что стоит при слиянии реки Уй с Тоболом, о группе казаков, отказавшихся от причастия в Великий пост 1854-1855 года. Отказчики: братья Петр и Владимир Трегубовы, Роман Киселев, Иван Крылов, Алексей Яковлев и Никифор Новгородов. Казаки смело заявили о приверженности к старому обряду и безусловному ношению бороды. Четверо из них отказались от службы: «... Служить намерены одному только царю Небесному, а земному не будут и знать его не хотят». Казаки Киселев и Новгородов от службы не отказывались.

Существовал порядок: если за уклонение от исповеди виновный наказывался церковным судом, как инакомыслящий, то ношение бороды и отказ от службы рассматривались военным судом: борода, как вызов уставному положению и воинской дисциплине; отказ от службы, как предательство царя и Отечества, тем более в военное время (шла Крымская война 1853-56 г. г.).

Дело становилось настолько серьезным, что Перовский немедленно доложил о нем в военное министерство, испрашивая разрешение принять к осужденным самые суровые и немедленные меры, дабы в корне пресечь начавшееся волнение в станице. Сугубо военный человек Перовский ревностно относился к воинской службе, строго реагируя даже на незначительные проявления недисциплинированности и нерадения. Военное министерство не взяло на себя решение весьма шекотливого вопроса и не преминуло доложить царю. Николай I внимательно прочитал рапорт губернатора и размышлял, вкось написал: «Справедливо, зло надо остановить в начале». Он благоволил Перовскому, считал его умнейшим управителем губернии (каким он был и на самом деле) и относился по-дружески за преданность в день восстания декабристов.

Пока шла переписка, к «ослушникам» присоединились старший брат Трегубовых — Максим и канонир Евдоким Кокушкин. Вновь стало шестеро непокорных. Согласившихся служить Киселева и Новгородова передали церковному суду.

Почти три месяца шел конвой «с бунторами» из Усть-Уйской станицы в Оренбург. Арестанты шли пешком в конских железных путах вместо настоящих кандалов (их не нашли в станице). В Оренбург этап пришел 22 сентября. На другой же день с арестованными начались душевспасительные и увещательные беседы, но раскольники стояли на своем: «Царь — антихрист и служить ему не будем!»

В конце сентября состоялся тайный, без приглашения виновных, военный суд, а 3 ноября его основное действо — экзекуция. На следующий день Перовский пишет военному министру: «Раскольники казаки Оренбургского казачьего № 10 полка Усть-Уйской станицы Максим, Петр и Владимир Трегубовы, Иван Крылов, Алексей Яковлев и канонир № 18 казачьей

батареи Евдоким Кокушкин по двум военно-судным делам и по собственному сознанию изобличены в дерзком неповиновении Высочайшей воле и приказанию начальства, в отречении исправлять общественные обязанности и службу по казачьему положению.

За таковые преступления, признавая поименованных подсудимых казаков недостойными оставаться в казачьем сословии, я на основании Высочайшего повеления... от 22 июля сего года... конфирмацию определил (утвердил — В. Б.): лишив их всех прав сословия, наказывать шпицрутенами через тысячу человек по три раза и сослать в Сибирь в каторжную работу на 12 лет».

Это был приговор на смерть. Видимо, поэтому губернатор не сообщил о результатах наказания.

... Раннее морозное утро. Казаков привели на площадь, на которой выстроились в две линии 600 солдат с розгами в руках. Народу сошлось «много множество, тысячи тысящами». Распорядитель экзекуций атаман войска Падуров приказал приговоренным раздеться по пояс и дал общую команду: «Начинай!» Каждого осужденного вели по два унтер-офицера, привязав их руки к скрещенным ружьям. Первым шел Кокушкин. Получив 600 ударов, он еще твердо стоял на ногах. Известно, что артиллерию брали недужной силы и саженого роста казаков. Он и еще выдержит один круг...

За батареем провели Максима, Ивана и Алексея. Первые два были еще в силе, хотя порубцованные спины кровоточили. Алексей едва держался на ногах. Следовавшие за ними Петр и Владимир упали, не пройдя до конца строя. Солдаты подняли их на руки и положили на телеги, прикрытые рогожными подстилками, и на бросили кое-какое рядом. Алексей не смог пойти на второй круг, его тоже бросили на телегу. Максим и Иван упали на половине строя и без памяти оказались на телегах. Евдоким — канонир направился на третий круг, но подумал, как страдают его товарищи от холода и потери крови, отказался...

Вот об этом Перовский не написал, как и потом не сообщил о кончине в госпитале Максима и Петра Трегубовых. Они прожили всего несколько часов. Немного больше недели протянул Иван Крылов. А вот Евдоким, Владимир и Алексей выжили и через три месяца поднялись на ноги. Им предстояло продолжение экзекуции. Так определялось регламентом: до получения осужденным назначенного числа ударов сполна. Движимый состраданием или нежеланием брать на душу еще один грех, Перовский отменил экзекуцию и повелел оставшихся в живых сопроводить в Сибирь. Опять кандалы, опять дальняя дорога. Казаков втолкнули в партию ссыльных, прибывшую в Оренбург 2 февраля 1855 года, «посреде убийственных и злодейственных и законопреступных человек».

Интересно, что Николай I еще раз обратился к оренбургскому делу 1 сентября 1854 года, то есть задолго до суда и экзекуции над казаками. Перелистав немногочисленные страницы, он сделал два вывода, которые повелел немедленно передать Перовскому, объявить войскам и правительственным учреждениям.

Первый вывод о неповиновении: «При всяком нарушении подчиненности, не входя в рассмотрение православно ли, раскольник ли, или магометанин, судить и наказывать по всей строгости законов собственно за неповиновение».

Второй вывод о бороде: «Бороды носить дозволено только старикам, и то в виде снисхождения и таковых не производить даже в урядники, но всем моложе 50 лет бороды брить, по той причине, что оно по форме обмундирования не следует» (последние слова автор и вывел в заголовок очерка).

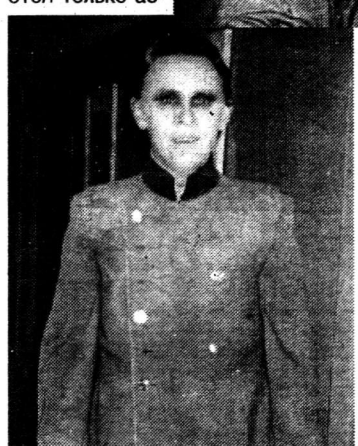
Продолжение следует.

Неожиданную для привычного взгляда версию предложил зрителям, то есть нам с вами, художественный коллектив театра «Буратино», поставив спектакль «Преступление и наказание» по мотивам романа Достоевского. Мы посчитали своим долгом известить об этом горожан. Пусть зрители ходят и разбираются, можно ли так обходиться с Достоевским.

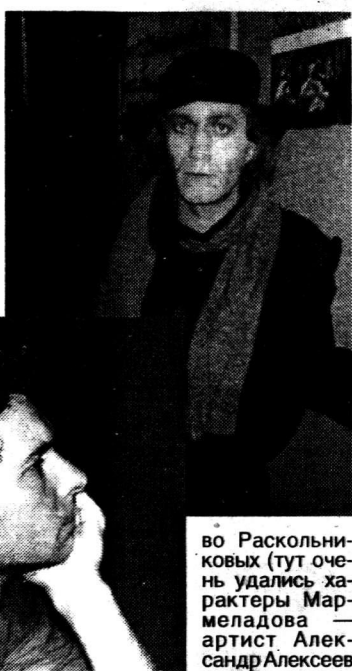
Проще говоря, сценарист, т. е. автор спектакля, режиссер из Санкт-Петербурга Игорь Ларин поставил роман с ног на голову и доказал нам, зрителям, что никакого преступления Раскольников не совершал, а только написал статью о праве сверхчеловека на преступление во имя своей идеи. В это время кто-то по соседству убивает старушку-ростовщицу и ее сестру Лизавету. Наш писатель статьи приболел, впал в бред, в бреду услышал новость об убийстве и стал подумывать, что может быть, это он и убил. А тут как раз следователь прочитал статью Раскольникова и так, в виде версии, допустил к себе в голову мысль, что, пожалуй, автор статьи может и человека убить. Ему эта мысль понравилась, и он принялся вызывать студента-писателя на допросы. И так чертовски язвительно с ним беседовал, так красноречиво зазывал его в сладость совершенного (или не совершенного) преступления, что в конце концов сунул Раскольникову окровавленный топор в руки, а на себя набросил тряпицы из одежды убиенной старушки. Что же оставалось больному воображению Раскольникова? Да, спектакль тем и заканчивается: Раскольников убивает этим топором своего мучителя-следователя Порфирия Петровича.

Отпавшие от Бога

Такова главная сюжетная линия спектакля «Преступление и наказание». О ней можно сказать: это анекдот, а не Достоевский. Но в афише-то указано, что Достоевский! И не можем же мы не верить своему любимому театру. Где же тут собака-то зарыта? Для ответа я напоминаю себе и вам, дорогие читатели, что Федор Михайлович Достоевский — писатель религиозный. И это принципиально. Свое время и себя он уложил, может быть, в одну фразу: «На земле кончился авторитет религий». «Бог умер, — воскликнет чуть позже увлеченный миром Достоевского Ницше. Продолжая эту мысль, философы XX века возвестят, что если Бог умер, то и человек нравственный без Бога — умер, а тогда жизнь не имеет смысла, а имеется только абсурд. «Утверждение или отрицание Бога становится для Достоевского воистину альтернативой: быть или не быть?»

«Бог умер, и на земле кончился авторитет религий, и все позволено», и со страниц писателя перед нами встает бесовствующая Россия, Россия люциферическая. Ариманова Россия. Россия, отпавшая от Бога, и над нею повис топор. Особенность версии Ларина состоит именно в мотивах всего творчества Достоевского. Глядя на артистическую игру Александра Анкудинова, мы вспоминаем роман Достоевского «Бесы». Не роман даже, а именно название. Бесовствует следователь Порфирий Петрович, увлекшись недоказанной догадкой о преступлении Раскольникова. Сначала профессионально юродствует, а затем незаметно его полицейский мундир сменяется черно-красным платьем то ли пологового в ресторане, то ли хозяина ресторана, то ли привыкшего к богатенькой государственной еде чина, готового за этот жирный кусок, похотывая, отправить в тюрьму невинного человека. Позабыл Порфирий Петрович про презумпцию невинности. Что-то это не помнит? Может, 1937-й год? Но, очарованный своим куражом Порфирий Петрович, порхает над потрясенным студентом Раскольниковым (артист Сергей Меледин) то в виде гробовщика, а, может быть, Асмодея, а то в виде уже Мефистофеля, а скорее всего булгаковского Воланда (имя-то им — легион). И вот этот люциферический человек, якобы следователь, простирает свое дьявольское очарование и на других персонажей: злым духом является господин Лукин (артист Сергей Тимофеев), терзающий семейство Мармеладовых и семейство

Ивановны — артистка Людмила Ключкина). Бесовством растения вдохновлен до гибели Свидригайлов (артист Рустем Гайнуллин).

Бесы, бесы витают над нищими обитателями города на Неве. Малых из них одержит мелкий бес пьянства — в спектакле эту миссию несет пьяница Николка (артистка Зинаида Жданова). Но самый могучий из них — государственный дух зла. Якобы, следователь Порфирий Петрович является к концу спектакля уже в белом фраке, то ли он торжествующий ангел смерти, то ли светящийся серебряным светом сам Люцифер. Радует, крыльями плещет: так все ладненько вокруг него все получается — людишки ничтожные спиваются, топятся в Неве. Да и пусть себе топятся! Главное — он, сверхчеловек, которому не совестию — государством все позволено. Вот он и любитесь топором до той поры, что топор в его руках оживает. Вот и примеряет в экстазе сатанинском кровавые тряпочки старушке-процентщице. В религиозном обмороке видят эти бесовские пляски молодые соискатели истинной жизни — Сонечка Мармеладова и Родион Раскольников. И поднимают молодой человек топор на разгулявшееся во вседозволенности зло. Зло победить злом, как известно, нельзя, можно только увеличить его количество. Спектакль заканчивается детскими воплями пьяненьких: «Они молодцы, то и дело воплет аки греческий хор.» И было зрителям видение: застыла над петербургским мостом скульптурная группа. Порфирий Петрович — в окровавленном чепце — со счастливой улыбкой дождавшегося смерти существа вроде бы спит, а будто бы и не спит, ибо бессмертен. А над ним склонился с топором в руках бессмертный же студент-философ — Родион Раскольников.

Очень полезное зрелище и для нашего дня, и для нашего оживающего религиозного сознания. Да будем ли мы читать Достоевского? Зато актерам спасибо. Художники спектакля — Эльдар Валяхметов и Анвар Гумаров. Музыка в спектакле тоже очень ассоциативная: XX век, композитор Нино Рота из фильма Феллини «Восемь с половиной». И-феснопения Тома Уэйтса «Сегодня я утоплюсь». Хорошо, что текст звучит на английском языке! Стало быть, и топиться не обязательно.

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

На снимках: режиссер постановки И. Ларин, С. Меледин в роли Раскольникова и А. Анкудинов в роли Порфирия Петровича.